

RU

Выявление роли функциональных стратегий в женском нарративе (на материале художественных текстов на немецком и русском языках)

Зубенко Я. В.

Аннотация. Цель исследования - охарактеризовать реализацию функциональных кооперативных и некооперативных стратегий в нарративе женщины-автора в примерах из текстов немецко- и русскоязычных художественных произведений. Научная новизна исследования заключается в определении понятия «женский нарратив» и рассмотрении функциональных стратегий нарратива женщины-автора в рамках художественных произведений. В результате выявлено, что функциональные стратегии нарратива женщины-автора наиболее ярко прослеживаются в процессе коммуникации. Пол нарратора, в зависимости от языка, в нарративе выражается через грамматические, лексические средства, посредством фоновых знаний читателя.

EN

Identification of Functional Strategies Role in Female Narrative (Based on German and Russian Literary Texts)

Zubenko Y. V.

Abstract. The aim of the study is to reveal the implementation of functional cooperative and non-cooperative strategies in a female author's narrative by the examples from the texts of German and Russian literary works. The scientific novelty lies in defining the notion "female narrative" and considering the functional strategies of a female author's narrative within the framework of literary works. As a result, it is proven that the functional strategies of a female author's narrative are most clearly seen in the process of communication. A narrator's gender, depending on the language, is expressed in a narrative through grammatical, lexical means, and through a reader's background knowledge.

Введение

Проблема женского нарратива представляет интерес для современных исследователей, изучающих самостоятельно созданное повествование о ряде взаимосвязанных между собой событий и переданное слушателю или читателю через последовательность слов или образов.

В данной статье будет дано определение понятию «женский нарратив», выявлена роль функциональных стратегий нарратива женщины-автора на примерах из немецко- и русскоязычных художественных произведений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения женского нарратива с позиции функционирования языковых единиц, посредством которых женский образ становится узнаваем в тексте, изучения особенностей женской речи, изучения роли основных стратегий и тактик, способствующих реализации гендерного нарратива. Предпринятая попытка рассмотрения функциональных стратегий в гендерном аспекте в межкультурном сопоставлении является необходимой и важной для понимания специфики немецко- и русскоязычной лингвокультуры.

Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Дать определение понятию «женский нарратив».
2. Определить виды функциональных стратегий, используемых в женском нарративе в художественном тексте, и выявить роль, которую они играют в нарративе.
3. Рассмотреть некооперативные стратегии в рамках коммуникативных стратегий.
4. Выявить характерные для коммуникативных стратегий тактики и установить наиболее типичные для тактик языковые средства.
5. Определить способы проявления пола нарратора-женщины в нарративе.

Теоретической базой для данного исследования послужили труды по изучению языковой картины мира: В. Ю. Апресян (Апресян, Апресян, Бабаева и др., 2006); функций языка: Н. М. Москаленко (2010); стратегий и тактик: С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса (2018), О. С. Иссерс (2017а; 2017b), Е. Д. Кораблева, Н. А. Люляева (2020), Л. А. Линник (2020), А. Н. Морева (2015), А. В. Радюк (2013), Н. А. Точицкая (2021), В. И. Тюпа (2001; 2018), В. Шмид (2003).

В исследовании использовались метод интерпретации, лингвокультурологического анализа, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод. Анализ практического материала проводился на примере немецко- и русскоязычных художественных произведений: Е. Heidenreich (2005; 2020) "Kolonien der Liebe", "Männer in Kamelhaarmänteln", Е. С. Чижова (2019) «Город, написанный по памяти», Т. А. Черемнова (2011) «Трава, пробившая асфальт».

Практическая значимость исследования заключается в использовании полученных результатов исследования на занятиях по стилистике и лексикологии.

Основная часть

Теоретический обзор по проблемам «женский нарратив» и «функциональные стратегии»

На сегодняшний день в лингвистике накоплен значительный опыт исследования нарратива, что позволяет, с одной стороны, применить имеющиеся знания в рамках проблемы, связанной с языком, коммуникацией и интерпретацией, с другой стороны, продолжить исследование его лингвистической характеристики и функционального анализа. К понятию «нарратив» обращались многие исследователи, так, В. И. Тюпа (2001) определяет его как «текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного и коммуникативного» (с. 8). Нарративом является самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю автором в виде последовательности слов и образов. Соответственно, женский нарратив представляет собой нарратив автора-женщины, т.е. повествование, характерное для женщины, в котором отражаются реальные или вымышленные события из прошлого, независимо от ее социальной и возрастной принадлежности.

Произошедший в гуманитарных науках поворот в исследовании нарратива способствовал активному развитию в теории повествования таких направлений, как анализ дискурса, теории повествовательных уровней, прагматического и функционального подходов.

Сферу наших интересов представляют функциональные стратегии. Понятие *стратегия* широко используется во многих областях, однако в лингвистике не существует его четкого определения, что позволяет интерпретировать его как: 1) речевые стратегии с функциональной и вспомогательной точек зрения (Иссерс, 2017а, с. 55); 2) способ или назначение какого-либо объекта с набором определенных характеристик (Ваулина, Кукса, 2018, с. 66); 3) не всегда предсказуемое речевое поведение (Кораблева, Люляева, 2020, с. 78) и др.

Функция представляет собой способ поведения объекта, которое объясняется функциональным следствием (Москаленко, 2010, с. 245-246). Функцией языка (далее – ФЯ) является его назначение и роль в обществе. ФЯ подразделяются на основные функции, к которым относятся коммуникативная (информационная, регулятивная, фатическая, социальная), эпистемическая (аккумулятивная), когнитивная, и производные функции – эстетическая, магическая и др. (Иссерс, 2017а, с. 13). С функциональной точки зрения О. С. Иссерс (2017b, с. 108) выделяет основные (семантические и когнитивные) и вспомогательные стратегии (прагматические (коммуникативно-ситуативные), диалоговые, риторические), повышающие значимость и эффективность диалогового взаимодействия и оказывающие влияние на адресата.

Соответственно, основными функциональными стратегиями можно считать коммуникативную (средство общения), когнитивную (средство формулирования и выражение мысли), эмотивную (средство выражения эмоций, чувств).

В рамках художественной и публицистической литературы целью коммуникации принято считать формирование в сознании читателя положительного или отрицательного образа и привлечение внимания аудитории к определенной личности или культурному событию (Точицкая, 2021, с. 289). Коммуникативные стратегии (далее – КС) имеют следующие этапы формирования и реализации: 1) планирование речевого воздействия; 2) постепенная реализация стратегии и контроль над ее осуществлением; 3) результат реализации стратегии (Морева, 2015, с. 24). Когнитивные стратегии прослеживаются в языковых выражениях, используемых для обработки и хранения информации, знаний в памяти отдельного человека и общества в целом с целью формирования картины мира (Линник, 2020, с. 72). Эмотивная стратегия понимается как сознательная демонстрация эмоций (эмоциональных реакций), направленных на собеседника по коммуникации, и ожидание оказания того или иного воздействия на партнера (Апресян, Апресян, Бабаева и др., 2006, с. 275).

Функциональные стратегии нарратива женщины-автора, представительницы немецкой культуры (на примере сборника рассказов Эльке Хайденрайх «Колонии любви» и романа «Мужчины в пальто из верблюжьей шерсти»)

Автор-женщина пишет о вечных темах – встречах и расставаниях, одиночестве и стремлении начать все сначала.

(1) (Elke Heidenreich, "Kolonien der Liebe"): *Meine Mutter sagte immer: "Hör du bloß auf mit deinen saublöden Liebesgeschichten und mach lieber deine Schularbeiten". Die Liebe, behauptete sie, sei ein Scheißdreck, ein einziger gigantischer Schwindel, und ich solle mir doch nur meinen Vater ansehen.*

Ich hatte selten Gelegenheit dazu, mir meinen Vater anzusehen – er war fast nie da. Ich hörte ihn manchmal leise heimkommen, wenn ich schon im Bett lag und im dunklen Zimmer davon träumte, wie wunderbar das Leben werden würde, wäre ich nur hier erst raus. Morgens, wenn ich zur Schule ging, waren meine Eltern beide schon weg. Mein Vater ging ganz früh aus dem Haus, und meine Mutter kam in Hut und Mantel kurz vor sieben Uhr in mein Zimmer, riß die Fenster weit auf, zog mir die Bettdecke weg, steckte sie in den Kleiderschrank, drehte das Licht an und sagte: “Raus aus dem Bett. Sieben Uhr. Ich geh jetzt” (Heidenreich, 2005, с. 9-10). / *Моя мать всегда говорила: «Да прекрати ты свои идиотские любовные истории и делай лучше уроки». Любовь, утверждала она, это дерьмо, гигантский обман, стоит только посмотреть на моего отца.*

Увидеть отца мне удавалось весьма редко: его почти никогда не было дома. Я иногда слышала, как он потихоньку пробирается в квартиру, но я уже лежала в постели в темной комнате и мечтала о том, как чудесна была бы жизнь, если бы мне удалось сбежать отсюда. По утрам, когда я собиралась в школу, обоих родителей уже не было. Отец покидал дом очень рано, а мать в пальто и шляпе заходила в мою комнату около семи часов, широко распахивала окна, стаскивала с меня одеяло, засовывала его в платяной шкаф, включала свет и говорила: «Вон из постели. Семь часов. Я уйду» (Хайденрайх, 2002).

Повествование ведется от первого лица «о себе» (*Ich hatte selten...*), о 3-м лице «рассказ о других» (*Meine Mutter sagte..., Mein Vater ging...*), о 3-х лицах (*meine Eltern beide...*); грамматически первое лицо выражено эксплицитно, «я» повествователя относится к акту повествования и повествуемому миру (по терминологии В. Шмида (2003, с. 45): диегетический нарратор), степень выявленности нарратора – сильная. Лицо, ведущее повествование, что выясняется в ходе прочтения произведения, – взрослая и умудренная опытом женщина, ищет ответы на свои жизненные неудачи в детстве, воспоминания о котором сопряжены со сложными отношениями родителей. Из приведенного отрывка нельзя грамматически или лексически выявить пол нарратора, он проявляется здесь эксплицитно. Вопросами межличностных отношений взрослых и романтическими чувствами девочки начинают интересоваться раньше, чем мальчики.

В приведенном примере рассмотрим коммуникативные стратегии и тактики, которые характеризуют когнитивный план общения и тесным образом связаны с содержательными структурами коммуникативного сознания говорящих. С позиции функционального подхода к коммуникативным стратегиям их можно рассматривать как средство общения. В. И. Тюпа (2018, с. 75) развивает теорию коммуникативных стратегий в рамках функциональных параметров текстопорождения. Ссылаясь на Н. Н. Кириллову (2012, с. 29), разделим стратегии на кооперативные (неконфронтационные) и некооперативные (конфронтационные). Данный пример представлен некооперативными стратегиями упрека: *Ich hatte selten Gelegenheit dazu, mir meinen Vater anzusehen – er war fast nie da. / ...meine Mutter kam... kurz vor sieben Uhr in mein Zimmer, riß die Fenster weit auf, zog mir die Bettdecke weg... drehte das Licht an und sagte: “Raus aus dem Bett. Sieben Uhr. Ich geh jetzt”* – и отчуждения: *...wenn ich schon im Bett lag und im dunklen Zimmer davon träumte, wie wunderbar das Leben werden würde, wäre ich nur hier erst raus.* Упрек показывает одну из языковых возможностей косвенного выражения говорящим, в нашем случае ведущим повествование, неодобрения относительно поведения другого лица и основывается на коммуникативной, когнитивной, эмоциональной составляющей. Стратегия отчуждения характеризуется тем, что субъект осознает все окружающее его как противоположное себе, степень которого варьируется от простого ощущения несходства до враждебного отношения.

Упоминание о словах матери является своеобразным «рассказом в рассказе»; мать с целью предостережения дочери от необдуманных поступков использует тактику предупреждения: *Hör du bloß auf mit deinen saublöden Liebesgeschichten und mach lieber deine Schularbeiten. / Die Liebe... sei ein Scheißdreck, ein einziger gigantischer Schwindel.* Для реализации данной тактики используются: 1) эмотивная лексика: *saublöd* (прилаг. *saublöd* (идиотский, безнадежно глупый)), *Liebesgeschichten* – любовные истории (сложное существительное *die Liebe + die Geschichte*), *der Scheißdreck* – дерьмо (сложное существительное *die Scheiß(e) + der Dreck*), *der gigantische Schwindel* – гигантский обман (прилаг. *gigantisch* (гигантский, огромный) + сущ. *Schwindel* (обман, надувательство)); 2) антитеза: *hör... auf mit... saublöden Liebesgeschichten und mach lieber deine Schularbeiten*; 3) сравнение (как неудачный пример семейных отношений): *...und ich solle mir doch nur meinen Vater ansehen*; 4) оттеночные частицы: *bloß* (лишь, только, же), *doch* (все-таки, все же, однако, же, ведь).

Стратегии некооперации реализованы при помощи языковых средств: 1) вежливость на лексическом уровне: маркеры вежливости (оттеночные частицы); 2) эмоционально окрашенная лексика; на семантическом уровне: использование императива: *Raus aus dem Bett*; 3) наличие простых предложений: *Ich geh jetzt*; 4) сложные предложения (сложноподчиненные предложения с условными придаточными); 5) наличие конъюнктива для выражения нереального условия или возможности: *würde, wäre*.

(2) (Elke Heidenreich, “Männer in Kamelhaarmänteln”): *Betrachte ich solche alten Fotos mit gezackten Rändern heute, laufen ganze Erinnerungswellen in mir ab – die Schule, die Tanzstunde, die Reisen, spärlich dokumentiert, aber mit der Kleidung kommen die Orte dazu, die Städte, die Menschen, und das passiert bei den Hunderten von Handyfotos, wie wir sie heute unentwegt machen, nicht mehr. Wenn ich heute in meiner Fotokiste wühle, erinnere ich mich mehr an die Tanzstunde und die Kleider, die ich trug, als an die jungen Männer, mit denen ich tanzte und die ich zaghaft küsste – das allerdings steht in den Tagebüchern, mit grüner Tinte. Von sechzehn bis neunzehn trug ich nur Schwarz. Schwarz. Schwarz* (Heidenreich, 2020, с. 11-12). / *Когда я сегодня смотрю на такие старые фото с неровными краями, то на меня накатывают целые волны воспоминаний – школа, уроки танцев, поездки, скудно задокументированные, но с одеждой приходят места, города, люди, чего не происходит с сотнями фотографий на мобильных телефонах,*

которые мы сегодня бесконечно делаем. Сегодня, когда я роюсь в коробке с фотографиями, я вспоминаю больше танцевальный класс и одежду, которую я носила, чем молодых людей, с которыми танцевала и робко целовалась – все это в дневниках, написанных зелеными чернилами. С шестнадцати до девятнадцати все, что я носила, было черным, черным, черным (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Я. З.).

Данное литературное произведение автобиографично. Автор уверена, что одежда может многое раскрыть в человеке, нарратор говорит о самой жизни: о себе в шестнадцать лет, о друзьях, о любви и разлуке, рассказывает истории, смешные и грустные, в которых каждый узнает себя: в мешковатых джинсах, в чудесной блузке с выцветшими цветами или в пальто из верблюжьей шерсти.

Тип нарратора: диегетический, повествование ведется от 1-го лица «о себе» (*Betrachte ich solche alten Fotos...*) и о 3-х лицах («рассказ о других»: ...*die Menschen; die jungen Männer, mit denen ich tanzte...*). Соответственно, нарратором является персонифицированный рассказчик, который обладает прагматической мотивированностью и принадлежит к миру текста. Нарратор рассматривает пожелтевшие фотографии прошлых лет, расставляет акценты на происходящих в ее жизни событиях и затрагивает вопросы моды как важного аспекта в жизни любой женщины.

В нарративе грамматически пол нарратора не выражен и определяется, во-первых, читателем из фоновых знаний (автор литературного произведения женщина, соответственно, повествование ведется от лица женщины), во-вторых, повествователь упоминает ряд аспектов, которые указывают на принадлежность нарратора к женскому полу: 1) носит платья, что свойственно только женщинам: *die Kleider, die ich trug...*; 2) обращает внимание на молодых мужчин: *die jungen Männer, mit denen ich tanzte und die ich zaghaft küsste...*

В данном примере наблюдается кооперативная стратегия в рамках самопрезентации. Задача нарратора в повествовании заключается в создании и выделении собственного образа, поиске точек соприкосновения с остальными героями повествовательной истории. В данном примере наблюдается упор нарратора на чувство ностальгии, вызываемое просмотром фотографических снимков, что способствует возникновению доверительных отношений читателя к повествователю. В данной речевой тактике используется перечисление однородных членов предложения, служащее для усиления выразительности и создания динамической картины развития действия: ...*die Schule, die Tanzstunde, die Reisen... die Orte dazu, die Städte, die Menschen*. Упоминание временного периода жизни (*von sechzehn bis neunzehn*) указывает на подростковый возраст повествователя, а лексический повтор (*Schwarz, Schwarz, Schwarz*) – на период отстраненности и депрессии. Использование инверсии свидетельствует об эмоциональном состоянии нарратора, например: *Betrachte ich solche alten Fotos mit gezackten Rändern heute, laufen ganze Erinnerungswellen in mir ab...*

**Функциональные стратегии нарратива женщины-автора, представительницы русской культуры
(на примере романов Е. Чижовой «Город, написанный по памяти»
и Т. Черемновой «Трава, пробившая асфальт»)**

(1) (Елена Чижова, «Город, написанный по памяти»): *До болезни мама работала кассиршей в угловой булочной на Театральной площади, что, в сравнении с прежними записями в ее трудовой книжке, можно назвать карьерным достижением, поскольку начинала она продавцом. Не знаю, как обстоит с этим в наши дни, но в начале пятидесятых к «учебе на продавца» подходили серьезно. Прежде чем встать за прилавок, полагалось пройти годичное обучение на специальных курсах, носивших гордое название «Школа торгового ученичества» – на мой вкус отдающее легким безумием. Равно как и перечень предметов на ее «Молочно-мясном и колбасном факультете»: ладно бы всякие мясо-молочно-колбасные премудрости, но за каким чертом мучить торговое ученичество историей КПСС и политэкономией?..*

– **Как за каким?!** – я слышу голоса возмущенных методистов. – **За тем самым.** – С коим мама познакомилась еще в седьмом классе, получив от него предложение, от которого не то что в те – даже в мои школьные годы было не принято отказываться. Но меня, знающую мамин характер, изумляет не столько сам отказ (кстати, не основанный на каких-нибудь более или менее антисоветских принципах, а так, **нипочему**, будто что-то **внутри, в крови, не дает согласия**), сколько формулировка, **предвосхитившая все последующие бляшня**, к которым **смельчаки моего поколения прибегали в схожих обстоятельствах: дескать, где я и – где комсомол, куда уж мне с эдаким рылом, да в ваш калашный ряд...** (Чижова, 2019).

В память об истории своей семьи автор-женщина предлагает роман-расследование, в котором Петербург становится городом личной, семейной и исторической памяти. Роман состоит из трех историй – истории страны, истории города и истории семьи.

Повествование ведется от первого лица «о себе» (*я слышу голоса...*), о 3-м лице «рассказ о других» (*До болезни мама работала...*), о 3-х лицах (*возмущенные методисты*); грамматически первое лицо выражено эксплицитно, «я» повествователя относится к акту повествования и повествуемому миру (по В. Шмиду (2003, с. 45): диегетический нарратор), степень выявленности нарратора – слабая. Автор описывает яркие образы родственников, посторонних людей, самого автора в тексте практически нет, наблюдается только его некоторое присутствие. Пол нарратора в приведенном примере проявляется грамматически лишь при согласовании формы причастия и местоимения: *Но меня, знающую мамин характер...*

В приведенном примере также рассмотрим коммуникативные стратегии и тактики. Стратегии некооперации представлены стратегией принуждения: ...*прежде чем встать за прилавок, полагалось пройти годичное обучение на специальных курсах, носивших гордое название «Школа торгового ученичества»* – и стратегией

несогласия: *...ладно бы всякие мясо-молочно-колбасные премудрости, но за каким чертом мучить торговое ученичество историей КПСС и политэкономией.*

Стратегию принуждения по отношению к учащимся предпринимает учебное заведение, в программу которого, помимо предметов по специальности, входят еще предметы общеобразовательного плана, считавшиеся в указанный отрезок времени (в начале пятидесятых) обязательными. Стратегия несогласия проявляется в реакции учащихся на подсознательном уровне, которые не понимают смысла введения предметов «История КПСС» и «Политэкономия» в учебную программу вуза (*будто что-то внутри, в крови, не дает согласия*).

Стратегии принуждения и несогласия реализованы при помощи речевых тактик критики и провокации посредством языковых средств: 1) противопоставление: *...где я и – где комсомол*; 2) повтор: *...за каким... как за каким*; 3) ирония: *мясо-молочно-колбасные премудрости, смельчаки моего поколения, торговое ученичество*; 4) фразеологизм: *с эдаким рылом, да в ваш калашный ряд*; обозначает замечание, сделанное в грубой форме тому, кто вмешивается не в свои дела (калашный ряд – торговый ряд, предназначенный для продажи хлебных изделий (калачей)); 5) эпитет: *гордое название*; 6) экспрессивная лексика: *за каким чертом*; 7) метафора: *все последующие бляния, легкое безумие*; 8) разговорная речь: *«учеба на продавца»*; 9) сложные предложения (сложноподчиненные предложения с условными придаточными); 10) риторические вопросы и ответы: *Как за каким?! – За тем самым.*

(2) (Тамара Черемнова, «Трава, пробившая асфальт»): *В то далекое советское время – вторую половину пятидесятых, шесть счастливых лет с моего рождения до отправки в детдом были самым светлым отрезком моей жизни. Но этот отрезок закончился, благодаря трем буквам ДЦП, гвоздями вколоченным в мою биографию и расшифровывающимся как «детский церебральный паралич».*

В моей карте был написан безысходный диагноз «поражение ЦНС». Теперь я знаю, что «поражение ЦНС» – очень расплывчатый диагноз, не уточняющий, что именно поражено в центральной нервной системе. Однако его оказалось достаточно, чтобы навеки изолировать ребенка от большого мира и упечь в специализированное закрытое учреждение.

За какую провинность мне был уготован этот крест? Только спустя полвека я ответила себе на этот вопрос. Ничто не дается человеку просто так, в каждом отдельном жизненном случае есть свое определение, свое предназначение и своя логика (Черемнова, 2011).

Еще в одном произведении затрагивается тема отношений родителей и детей. Книга российской писательницы Тамары Черемновой «Трава, пробившая асфальт» является автобиографичным произведением, рассказывающим о девочке с ДЦП, которая хочет жить и как росток травы пробивается через жесткий асфальт равнодушия общества.

Повествование ведется от первого лица «о себе» (*я ответила себе на этот вопрос*), грамматически первое лицо выражено эксплицитно, «я» повествователя относится к акту повествования и повествуемому миру, степень выявленности нарратора – слабая. Пол нарратора в приведенном примере проявляется грамматически при согласовании личного местоимения с предикатом в прошедшем времени по признаку пола: *я ответила...*

В приведенном примере стратегии некооперации представлены стратегией претензии, которая реализуется за счет тактики обвинения, выраженной в обличении докторов советского времени второй половины 50-х годов, поставивших ей неверный диагноз болезни, которая в те годы не была полностью изучена и, соответственно, стала причиной ее многолетних страданий. Тактика обвинения осуществляется посредством: 1) гиперболы: *...гвоздями вколоченным в мою биографию..., навеки изолировать ребенка...*; 2) разговорного выражения: *упечь*; медицинских терминов в виде сокращения: *ДЦП, ЦНС*; 3) наличия инверсии и риторического вопроса (*За какую провинность мне был уготован этот крест?*), указывающих на эмоциональное состояние нарратора.

Заключение

Из проведенного исследования можно сделать выводы, что одними из наиболее часто используемых функциональных стратегий в нарративе женщины-автора являются коммуникативные стратегии. В предложенных примерах рассматривались некооперативные стратегии как выражение негативных эмоций по отношению к описываемым событиям в прошлом. Для нарратива женщины-автора немецкой культуры характерны стратегии принуждения, несогласия и самопрезентации, реализующиеся посредством тактики предупреждения; для нарратива женщины-автора, представительницы русской культуры, – стратегии упрека, отчуждения и претензии, которые осуществляются посредством тактик критики, провокации и претензии.

Функциональные стратегии осуществляются с помощью различных языковых средств. Так, в нарративе носительницы немецкого языка, немецкой писательницы Э. Хайденрайх, для выражения принуждения и несогласия используются эмотивная лексика, антитеза, сравнение, лексические повторы, оттеночные частицы, риторические вопросы, сложные предложения, побудительные предложения. Для носительниц русского языка, российских писательниц Е. Чижовой и Т. Черемновой, характерны противопоставления, повторы, фразеологизмы, эпитеты, экспрессивная лексика, гипербола, метафора, разговорная речь, сложные предложения, риторические вопросы и ответы. Автор через лексические средства создает определенную атмосферу, которая производит на читателя желаемое впечатление.

В немецком языке пол нарратора можно выявить за счет грамматических и лексических средств, эксплицитно (за счет указывающих на женский пол качеств и предпочтений нарратора), используя фоновые знания об авторе и жанре литературного произведения. Для русского языка характерны все вышеуказанные критерии, а также грамматическое согласование по признаку пола причастия и местоимения «меня» и личного местоимения в единственном числе «я» с предикатом в прошедшем времени.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в рассмотрении женского нарратива с позиции автора-женщины и автора-мужчины и выявлении их сходства и различия.

Источники | References

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006.
2. Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Лингвистические стратегии реализации побудительной модальности в политическом лозунге и рекламном слогане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». 2018. Т. 17. № 2.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 8-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2017а.
4. Иссерс О. С. Теоретическая и прикладная лингвистика: курс лекций. Омск, 2017б.
5. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник Новосибирского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2012. Вып. 1.
6. Кораблева Е. Д., Люляева Н. А. Теория комиксов: подходы к пониманию их природы и перспективы развития // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков): по результатам науч. конф. (г. Нижний Новгород, 12 ноября 2019 г.). Н. Новгород, 2020.
7. Линник Л. А. Когнитивные стратегии научного дискурса (на материале аннотаций медицинских статей) // Российский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1.
8. Морева А. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиажанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2015.
9. Москаленко Н. М. Функции языка // Научные записки Кировоградского национального технического университета. 2010. № 10-2.
10. Радюк А. В. Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2013.
11. Точицкая Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия в жанрах арт-журналистики (рецензия, репортаж) // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 3.
12. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Юрайт, 2018.
13. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.
14. Хайденрайх Э. Колонии любви. 2002. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/378637-2-elke-haydenrayh-kolonii-lyubvi-sbornik-rasskazov.html#book>
15. Черемнова Т. А. Трава, пробившая асфальт. 2011. URL: <https://topreading.ru/bookread/27820-tamara-cheremnova-trava-probivshaya-asfalt/page-2>
16. Чижова Е. С. Город, написанный по памяти. 2019. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=80391&p=2
17. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
18. Heidenreich E. Kolonien der Liebe. Reinbek: Verlag Rowohlt Taschenbuch, 2005.
19. Heidenreich E. Männer in Kamelhaarmänteln. München: Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, 2020.

Информация об авторах | Author information

Зубенко Яна Валериевна¹

¹ Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан

Zubenko Yana Valerievna¹

¹ A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kazakhstan

¹ janaz75@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.01.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): функциональные стратегии; тактики; женский нарратив; языковые средства; лингвокультура; functional strategies; tactics; female narrative; language means; linguistic culture.